

УДК [811.161.1+811.161.2+811.163.2]’373.74:392.48

АРЕФЬЕВА Наталья Георгиевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: arefyew_oleg@mail.ru; тел.: +38 (048) 7845738; моб.: +38 0508663287

СВАТОВСТВО В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье анализируются фразеологизмы русского, украинского, болгарского языков, эксплицирующие концептосферу сватовства. Сватовство рассматривается как важный элемент свадебной обрядности, направленный на изменение социального статуса человека и закрепившийся в славянской языковой картине мира посредством фразеологических единиц. Рассматриваются старинные славянские обряды и традиции, связанные со сватовством, определяется их место в современной лингвокультуре. Подчеркивается активная доминирующая роль жениха и членов его семьи на протяжении всех стадий свадебного сговора. На фразеологическом материале трёх славянских языков выделяются и анализируются как концепты общеславянской культуры, такие как «ворота», «тыква», «корыто», так и концепты национально-специфические, культурно значимые, такие как «рушник», «обуца» (обувь).

Автор приходит к выводу о широкой представленности концептосферы сватовства в славянской фразеологии. Подчеркивается исключительная роль семьи и брака в мировоззрении древних славян и славянской культурной традиции.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, болгарский язык, фразеологизм, обряды и традиции, концепт, концептосфера, национально-культурная специфика.

Изучение традиций и обрядов как устойчивого пласта культурной и языковой системы, впитавшего в себя социальную историю народа и отражающего её целым набором средств, является актуальной проблемой лингвокультурологии и этнолингвистики. Этнолингвистическому изучению славянских традиций и обрядов, связанных со сватовством и заключением брака, посвящены работы А. А. Потебни, Я. Коморовского, Д. К. Зеленина, В. В. Иванова и В. Н. Топорова, А. К. Байбурина, Н. Колева, М. Арнаутова, Е. Узенёвой, Р. Ивановой, Н. В. Зориной, А. В. Гуры и других учёных. Исследованию фразеологии в русле лингвокультурологии и концептологии посвящены труды В. Д. Ужченко, В. М. Мокиенко, Е. А. Селивановой, В. Н. Телия, К. Ничевой, Е. А. Левченко, А. А. Майбороды и др.

Предмет нашего исследования — обряды и традиции, связанные со сватовством. Материал исследования — фразеологизмы русского, украинского и болгарского языков.

Сватовство, являясь предопределяющей неотъемлемой частью свадебных обрядов, направлено на изменение социального статуса человека. Совершенно справедливо отмечает О. А. Седакова типологическое сходство свадебной и погребальной обрядности славян, а также обрядов, связанных с новосельем, подчёркивая их переходность, т. е. перемену статуса человека [8, с. 19]. Вместе с тем, обряды и традиции, связанные с заключением брака, определяются не столько природно-биологическими факторами (как, например, рождение или смерть), сколько социально-культурными, что обеспечивает их специфику в сравнении с другими обрядами семейного цикла [3, с. 9].

Действия, предшествующие заключению брака: знакомство молодых людей, проявление симпатии, переходящее в ухаживание, — зафиксированы во фразеологическом корпусе славянских языков и отражают обычаи славянских народов. Особенно широко представлена данная концептосфера в болгарской фразеологии. Процесс ухаживания за девушками отражают такие фразеологические единицы (далее ФЕ), как *лъжа момите* (букв. обманывать девушек) — ‘заигрывать с девушками, ухаживать за девушками’ [БРФС, с. 317]; *тичам подир (по) момите* ‘увиваться (приударять) за девушками’: — *Сигурен е, само е типерлия и обича да се перчи, а инак е юначина... но много тича по момите (Ем. Кораллов)*. — *На него можно положиться, он человек верный, одно только плохо: больно на язык резок, любит покрасоваться и за девушками приударить, а во всём остальном — орёл* [БРФС, с. 567]; *прескачам плетивете (плетивцата)* (букв. перескакивать через плетень) ‘крутить любовь, увиваться за девушками’: *Викаха му по прякора на дядо му, който прескачал някого като сур елен плетивцата (Ст. Ц. Даскалов)*. — *Его так звали, потому что таково было прозвище его деда, который в своё время, как олень, перемахивал через ограды к своим зазнобам* [БРФС, с. 434]; *прескачам зидовете* (букв. перепрыгивать через ограду) ‘ухаживать за девушками, вертеться около них’ [НФР, с. 217]. К слову, обычай перепрыгивать через плетень во двор к понравившейся девушке известен и другим славянам, в частности, русским и украинцам.

У болгар известен обычай просить воды у понравившейся девушки, ср. ФЕ *напивам/напия вода* ‘просить/попросить напиться воды у девушки, возвращающейся от источника (знак симпатии со стороны молодого человека)’ [БРФС, с. 354].

Как было сказано выше, процесс сватовства является важным этапом свадебной обрядности славян. О культе сватовства, отождествлении сватов с представителями рода в мировоззрении славян, исключительной важности родственных связей для славянина писал ещё выдающийся славист XIX века П. А. Лавровский [5, с. 2—3, 22—23]. О. Н. Трубочёв считает ключевым словом славянской и праславянской культуры в целом (в отличие от лингвокультуры западно-европейской) слово «свой» (с *и.-е.* **sue-*), отмечая, что «средоточием ‘своего’ был для славянина род и терминология родства» [9, с. 179, 191]. Именно этим словом этимологически объясняет учёный *праслав.* **svat* наряду с другими терминами свойственного родства, таких как **svekry*, **svekrъ*, **svъstъ* ‘свояченица’, а также **synъ*, **sestra* (**sue-sr*, *и.-е.* ‘своя женщина, женщина рода’) [9, с. 192]. О том, что сват в исходном значении — ‘свой человек, родственник’, — свидетельствуют ФЕ *ни сват ни брат* кому-л. — ‘посторонний, чужой человек’ [ФСРЯ, с. 411]; *болг. ще ти покажа, кой кум, кой <стар> сват* — ‘получишь то, что заслуживаешь, отомщу тебе’ [ФРБЕ, т. 2, с. 529] и др.

Как известно, сват, сваха, сваты принимали активное участие в сватовстве со стороны жениха и являлись посредниками в переговорах о выдаче невесты замуж. Они также вели переговоры о приданом, свадебных расходах, проведении свадьбы и т. п. в продолжение всего свадебного сговора [3, с. 143, 158]. Ср. *русск. засылать сватов* ‘свататься к кому-л., делать предложение’, *укр. слати (засилати, присилати, посилати/заслати, прислати старостів [за рушниками]* ‘просить согласия на брак у девушки и её родителей; сватать: *Зачали парубки засилати старостів до дівчат* (Кв.-Осн.) [ФСУМ, т. 2, с. 824]. В то же время решающее слово остаётся за женихом, ср. *русск. прост. шутл.-ирон. без меня меня женили* ‘решение, касающееся непосредственно меня, принималось без моего согласия’ [ИЭС, с. 220]. У болгар, согласно обычному праву, существовала большая и малая помолвка: *болг. малък и голям годеж*, где «годеж» — своеобразная договорённость между родственниками жениха и невесты об имущественных условиях брака, что предусматривало прилюдный обмен обручальными кольцами и подарками. В некоторых регионах родители жениха платили отцу невесты так называемый «баба хак» — определённую сумму денег, поскольку семья невесты теряла работника [1, с. 249].

Мотив сватовства отражён в славянской фразеологии с помощью концепта «ворота» (*болг. врата*). Ворота — символ разграничения пространства на «свое» и «чужое», в свадебном обряде они наделяются ритуальной семантикой [3, с. 566—567]. Слово *ворота* и его иноязычные соответствия как лингвокультурный символ широко представлены, прежде всего, в болгарских ФЕ: ср. *диал. болг. потропвам/потропам на нечия врата (вратите), потропвам/потропам на нечия порта, похлопвам/похлопам (почуквам/почукам) на нечия порта; хлопам (чукам, тропам) на нечия врата (порта)* (букв. постучать в чьи-л. ворота) во втором значении — ‘сделать предложение, посвататься к кому-л.’ [ФРБЕ, т. 2, с. 169, 491].

Ворота также символизировали дом, семейство. Так, *русск. мазать (вымазывать)/вымазать ворота дёгтем* кому-л. имеет значение ‘позорить, очернять кого-л.’ [ИЭС, с. 122]. Древний обычай вымазывания ворот дёгтем имел целью опозорить не только потерявшую невинность девушку, но и её семью [Там же]. В северо-восточной Болгарии молодые люди, чтобы отомстить обманувшей их девушке, могли снять ворота с петель, а в северо-западной Болгарии снимали с петель её ворота, относили на колодец и измазывали их дёгтем [3, с. 21].

В украинской лингвокультуре культурно значимым концептом (термин В. Н. Телия) является концепт «рушник». Рушник в украинской фразеологии — символ не только сватовства, но и свадьбы, женитьбы. Ср.: *ставити на рушник (на рушнику)* — ‘женить (выдавать замуж)’: *Без любистку, заговорів — силою тільки власного язика вона не раз і не два зводила докutti роз’єднані серденька, становила на рушнику навіть дітей своїх кровних ворогів* (Л. Янов.) [ФСУМ, т. 2, с. 858]; *рушники тчуться* у когось — ‘девушка готовится замуж’: *Всі на мене залицялись і сватати стали; А у мене, як на тебе, й рушники вже ткались* (Шевч.) [ФСУМ, т. 2, с. 776]; *брати/взяти рушники* — *устар.* ‘сватать, свататься’; *вернутися з рушниками* — *устар.* ‘согласиться выдать дочку замуж’: *Вернулися люде [люди] з рушниками... Таку кралю висватали, Що хоч за гетьмана, То не сором* (Шевч.) [ФСУМ, т. 1, с. 193, 73]. Последняя ФЕ, как и *укр. прийняти старостів* ‘согласиться выдать дочку замуж, дать согласие выйти замуж’ [ФСУМ, т. 2, с. 692] отражают благополучный исход сватовства, когда сватов приветливо встречали, приглашали в дом, угощали, тем самым давая согласие на брак.

Во фразеологии славянских языков широко распространён мотив неудачного сватовства. Так, собственно русское *от ворот поворот* (‘категорический отказ, отрицательный ответ на чью-л. просьбу, обращение’) отражает старинный русский обычай: при отказе сватов выпроваживали за ворота, давая «от ворот поворот» [ИЭС, с. 122].

В славянской символике неудачного сватовства исключительно важное место занимает концепт «тыква». Целый ряд ФЕ украинского языка эксплицирует мотив отказа сватам с помощью

данного концепта. Ср.: *давати (підносити)/дати (піднести) [печеного] гарбуза* кому — *шутл.* ‘отказывать кому-л. в сватовстве, ухаживании’: *Мокрина довго любила його [Миколу] та все давала гарбузи своїм женихам* (Нечуй-Левицький) [ФСУМ, т. 1, с. 214]; *годувати гарбузами* когось — *шутл.* ‘отказывать тому, кто посватался’: *Дівчині вже вісімнадцять минуло, а вона й досі женихів гарбузами годує (Стельмах)* [ФСУМ, т. 1, с. 170]; *наділяти/наділити гарбузом (гарбузами)* — *шутл.* ‘отказывать кому-л. во время сватовства, ухаживаний’: *Сватів стали слати; Чорнобривка гордувала, Гарбузами наділяла* (Глібов) [ФСУМ, т. 1, с. 523]; *скуштувати гарбузової каші* — ‘получить отказ во время сватовства, ухаживаний’: *Думаєш не знаю, скільки залицяльників біля неї [Наталки] кружляло, як мухи? А всі ввіймали облизня, гарбузової каші скуштували (Гуцало)* [ФСУМ, т. 2, с. 823]; *остатися з гарбузом* — *устар., редко* — ‘получить отказ во время сватанья’: *Не один слав їй старостів, Та з гарбузом остався* (Грабовський) [ФСУМ, т. 2, с. 591]; *піти з гарбузом (з гарбузами)* — ‘получить отказ во время сватанья’: *Ну що? Будемо сватами, чи з гарбузами додому підеш? (Стельмах)* [ФСУМ, т. 2, с. 643]; *діставати/дістати (покуштувати, схопити) [печеного] гарбуза* — *шутл.* ‘получать отказ во время сватанья, ухаживания’ [ФСУМ, т. 1, с. 247]; *пахне грабузом* — ‘предвидится отказ тому, кто сватается’: *Ой, хороші дівчатка, хто не гляне — ахне. Ой рад би я тебе сватать, та гарбузом пахне (Забашта)* [ФСУМ, т. 2, с. 609]. Ср. также *русск. арбуз поднести (дать)* кому — *народн. ирон.* ‘отказать жене при сватовстве’ [ИЭС, с. 31]; *арбуз получить* от кого — *народн. ирон.* ‘получить отказ от кого-л. при сватовстве (обычно о жене)’, где арбуз — та же тыква в русских диалектах [Там же]. Тот же мотив находим в болгарской фразеологии: *дадоха ми тиква в ръка* — ‘не согласились отдать замуж девушку’; *намазаха с тиква* някого — ‘расстроить помолвку’ [ФРБЕ, т. 1, с. 236, 642]. Широкая распространённость вербализации данного мотива в разных языках объясняется чрезвычайной популярностью обычая среди украинского крестьянства и может свидетельствовать «о возможном украинском эпицентре не только функционирования данного символа отказа, но и о генетических корнях», поскольку и *бел. даць гарбуз* и *польск. zjeść harbuza, harbuzy rozdawać* и *русск. арбуз поднести (дать)* и др. имеют украинское происхождение [ИЭС, с. 31; 10, с. 81—82]. Добавим, что на семиотическом уровне тыква воплощает идею пустоты, поскольку более архаичной формой отказа было вручение сватающимся полый тыквы — с вырезанной серединой или испечённой [ИЭС, с. 310]. Ср. также пустую корзину — символ отказа у немцев и венгров, пустые ведра как символ неудачи и т. п.

Ряд ФЕ отмечен культурно-национальной спецификой, как, к примеру, *болг. ФЕ връщам/върна обуца* на някого — *диал.* ‘расстраивать помолвку, отказывать сватам, пришедшим сватать девушку’, в основе которого лежит древний обычай, согласно которому жених платил деньги под названием «*обуца*» (обувь. — *Н. А.*) родителям невесты [НФР, с. 54]. К слову, в болгарской фразеологии отказаться от помолвки мог как парень, так и девушка. Так, отказ со стороны жениха и его родственников эксплицирует *ФЕ връщам годеж* в значении ‘расстраивать/расстроить помолвку (отказавшись от невесты)’ [БРФС, с. 96].

Интересно, что из вышеперечисленных славянских ФЕ только одна (*болг. връщам годеж*) вербализирует отказ от помолвки по инициативе жениха и его родственников, остальные — по инициативе девушки и родственников с её стороны, что, с нашей точки зрения, является отражением женской перспективы. Напомним, что определённые права женщины зафиксированы в болгарском обычном праве, согласно которому невеста приносила в дом жениха так называемый «*чеиз*» (*русск. приданое*) — одежду, постельные принадлежности, кухонную утварь, которые считались её собственностью (муж не имел права отчуждать это имущество). Кроме того, собственностью жены было имущество (поле, виноградник, скотина, золотые вещи и т. п.), которое родители жениха подарили ей на свадьбу [1, с. 249]. Подготовка приданого как необходимый устойчивый этап свадебной обрядности отражена и в украинском фразеологизме *готувати (дбати) рушники (скриню)* — *устар.* ‘собираться выходить замуж за кого-л. (о девушке, женщине)’: *Он до тебе восени прийдуть старости. Готуй рушники* (Нечуй-Левицький) [ФСУМ, т. 1, с. 193].

Как отмечает Н. Колев, право выбора невесты по традиции остаётся за семьёй молодого человека; семья же девушки выполняет пассивную роль [4, с. 211]. Ср. *русск. как засватанный (-ая, ые)*, *укр. засватати дівчину*, где префикс *за-* указывает на конкретного обладателя, имеет значение вторичности, пассивности.

В славянской фразеологии отражены возрастные ограничения, связанные с заключением брака. Прежде всего, это мотив соблюдения очерёдности вступления в брак детей, особенно дочерей, — по старшинству. Наиболее строго соблюдалась эта традиция у южных славян, в частности, болгар, у которых, в случае нарушения этого порядка, выплачивали выкуп. В северо-западной Болгарии младшие брат или сестра, вышедшие замуж или женившиеся раньше старших, просили у них прощения и покупали им подарок [3, с. 28]. Об исключительной важности этой традиции свидетельствует её экспликация в многочисленных болгарских фразеологизмах, так или иначе связанных с обычаем, согласно которому младшую сестру прятали под корыто во

время прихода предполагаемого жениха к старшей сестре. Яркое воплощение данного мотива находим во фразеологизмах *мома под корито* (букв. девушка под корытом) в значении 'девушка, которая не может выйти замуж, так как имеет старшую незамужнюю сестру или неженатого старшего брата' [ФРБЕ, т. 1, с. 95]. С этим же мотивом связаны болгарские ФЕ *заклупвам (турям/туря, турвам/турна, слагам/сложа) под корито* (прятать под корыто) в значении 'выходить замуж раньше старшей сестры или старшего брата' [ФРБЕ, т. 1, с. 365]; *злата кака под корито* (букв. злая сестра под корытом) 'употребляется в случаях, когда младшая сестра красивее старшей' [ФРБЕ, т. 1, с. 369]; *нямам корито* 'о девушке, которая не имеет старшего неженатого брата или старшей незамужней сестры' [ФРБЕ, т. 1, с. 755]. *Диалектные: ожени се кака, дойде и мене ред* (букв. вышла замуж сестра, пришла моя очередь) в значении 'выражение радости по поводу события, которого очень долго ждали' [ФРБЕ, т. 2, с. 20]; *шутл. оттиквам/оттична корито* — 'получить возможность выйти замуж, так как вышла замуж старшая сестра' [ФРБЕ, т. 2, с. 89]. В подобных интроспективных ФЕ отразилось ощущение радости и перспективы девушки-сестры, старшая сестра которой вышла замуж [2, с. 122].

Остатки древних верований о нежелательности выхода замуж младшей сестры раньше старшей находим и в других славянских этнокультурах. Ср. *русск. диал. сиб. посадить под корыто* кого — 'жениться (выйти замуж) раньше старшего брата (сестры)' [ИЭС, с. 348]; *укр. підвернути під корито* когось во втором значении — 'выйти замуж раньше старшей сестры': — *Хороші твої дочки, Стехо! Тільки, Стехо, підверне Катруся під корито твою Ганнусю* (Барвінок) [ФСУМ, т. 2, с. 631]; *бел. корытом навырнуты* (Полесье) в том же значении; *русск. бракованная сестра*. О стойкости данного мотива в этнической памяти славян свидетельствуют строки из поэмы Н. А. Некрасова: *За всех, про всех работаю, / С свекрови, с свёкра пьяного, / С золовухи бракованной снимаю сапоги...* (Кому на Руси жить хорошо), как и примечание автора: «Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя считается бракованной» [7, с. 319].

Корыто здесь как лингвокультурный символ несёт в себе идею второго рождения, иномирия (ср. внешнее подобие корыта и гроба) [ИЭС, с. 348], актуализируя, тем самым, культ старших в семье, в данном случае — брата/сестры. Корыто также символ пренебрежения, обидной снисходительности, зачастую присутствующих в отношениях старших с младшими. Согласно этимологическим данным, внутренняя форма фразеологизма *підвернути під корито* связана с присутствием древней семы существительного общеславянского периода **корь* — *пренебрежение, обида*; (ср. также: *укр.* докоряти, підкоряти; *русск.* укор; *укр.* докір). То есть, внутренняя форма фразеологизма — 'не уважать и даже оскорблять' [6, с. 9].

Добавим, что в мировосприятии славян убежденность в нежелательности вступления в брак младшей сестры или брата прежде старших жива и по сей день.

Подводя итоги нашего исследования, выделим наиболее важные аспекты:

- 1) концептосфера сватовства широко представлена в славянской фразеологии и отражает традиционный культ рода и семьи как ценности славянской культуры;
- 2) важное место в концептосфере сватовства занимает концепт «ворота» как способ разграничения пространства на «свое» и «чужое» и имеющий основное значение «дом, семейство»;
- 3) в украинской лингвокультуре мотив сватовства, подготовку к свадьбе, обрядовые действия во время свадьбы, а также заключение брака эксплицируют ФЕ со словом «рушник», где рушник — культурно значимый полифункциональный концепт;
- 4) мотив неудачного сватовства раскрывается в славянских языках с помощью концепта «тыква» (*укр.* гарбуз, *болг.* тиква, *русск. диал.* арбуз), наиболее широко представленного в украинской лингвокультуре;
- 5) помимо ФЕ, отражающих общеславянские традиции и обряды, в ряде ФЕ закреплены старинные обычаи и обряды, свойственные культурной традиции только одного народа;
- 6) в славянской фразеологии закрепились рестрикции, связанные с вступлением в брак младших по возрасту сестёр или братьев прежде старших. Здесь центральное место занимает концепт «корыто», являющийся наиболее продуктивным, а, следовательно, и наиболее значимым в болгарской лингвокультуре;
- 7) стереотипы, связанные с концептосферой сватовства, являются актуальными сегодня, когда предпринимаются попытки пересмотреть роль семьи и брака в несвойственной для славянской культуры плоскости.

Литература

1. Андреев М. Обичайно право / М. Андреев // Българска народна култура: (историко-етнографски очерк). — София, 1981. — С. 246—250.
2. Арефьева Н. Г. Гендерні стереотипи у болгарській фразеології : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.03 — слов'янські мови / Н. Г. Арефьева. — Одеса, 2009. — 233 с.

3. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика / А. В. Гура. — М. : Индрик, 2012. — 936 с.
4. *Колев Н.* Българска етнография (етнология) : учебник / Николай Колев. — 6 изд., прераб. и доп. — В. Търново : Gaberoff ; Элпис, 2002. — 288 с.
5. *Лавровский П. А.* Коренное значение в названиях родства у славян / П. А. Лавровский ; [послел. В. К. Журавлёв, И. В. Журавлёв]. — М. : Едиториал УРСС, 2005. — 144 с. — (Лингвистическое наследие XIX века).
6. *Майборода О. А.* Українська фразеологія як джерело народознавства : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 — українська мова / О. А. Майборода. — Х., 2002. — 18 с.
7. *Некрасов Н. А.* Стихотворения. Поэмы / Н. А. Некрасов. — М. : Худож. лит., 1978. — 415 с.
8. *Седякова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О. А. Седякова. — М. : Индрик, 2004. — 320 с. — (Традиционная духовная культура славян: современные исследования).
9. *Трубачёв О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования / О. Н. Трубачёв ; [отв. ред. Н. И. Толстой]. — 2-е изд., доп. — М. : Наука, 2003. — 489 с.
10. *Ужченко В. Д.* Фразеологія сучасної української мови : навч. посібник / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. — К. : Знання, 2007. — 494 с.

Источники

- БРФС* — Кошелев А. К. Болгарско-русский фразеологический словарь / А. К. Кошелев, М. А. Леонидова. — М. : Русский язык ; София : Наука и искусство, 1974. — 635 с.
- ИЭС* — Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; [ред. В. М. Мокиенко]. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Астрель ; АСТ ; Люкс, 2005. — 926, [2] с.
- НФР* — Анкова-Ничева К. Нов фразеологичен речник на българския език / Кети Анкова-Ничева. — С. : Св. Климент Охридски, 1993. — 464 с.
- ФРБЕ* — Фразеологичен речник на българския език : в 2 т. / К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, К. Чолакова. — София : БАН, 1974—1975. — Т. 1 — 1974. — 759 с. ; Т. 2. — 1975. — 779 с.
- ФСРЯ* — Фразеологический словарь русского языка / [ред. А. И. Молотков]. — М. : Советская энциклопедия, 1968. — 543 с.
- ФСУМ* — Фразеологічний словник української мови / [уклад. В. М. Білоноженко та ін.]. — К. : Наукова думка, 1999. — 984 с.

References

1. *Andreev M.* Obichajno pravo / M. Andreev // Bylgarska narodna kultura: (istoriko-etnografski ocherk). — Sofija, 1981. — S. 246—250.
2. *Aref'eva N. G.* Genderni stereotypy u bolgars'kij frazeologii : dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.03 — slov'jans'ki movy / N. G. Aref'eva. — Odesa, 2009. — 233 s.
3. *Gura A. V.* Brak i svad'ba v slavianskoj narodnoj kul'ture: semantika i simbolika / A. V. Gura. — M. : Indrik, 2012. — 936 s.
4. *Kolev N.* Bylgarska etnografija (etnologija) : uchebnik / Nikolaj Kolev. — 6 izd., prerab. i dop. — V. Tyrnovo : Gaberoff ; Jelpis, 2002. — 288 s.
5. *Lavrovskij P. A.* Korennoe znachenie v nazvaniyah rodstva u slavian / P. A. Lavrovskij ; [poslesl. V. K. Zhuravliov, I. V. Zhuravliov]. — M. : Editorial URSS, 2005. — 144 s. — (Lingvisticheskoe nasledie XIX veka).
6. *Majboroda O. A.* Ukraïns'ka frazeologija jak dzherelo narodoznavstva : avtoref. dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 — Ukraïns'ka mova / O. A. Majboroda. — Kh., 2002. — 18 s.
7. *Nekrasov N. A.* Stihotvorenija. Poemy / N. A. Nekrasov. — M. : Hudozh. lit., 1978. — 415 s.
8. *Sedakova O. A.* Poetika obriada. Pogrebal'naja obrjadnost' vostochnyh i juzhnyh slavian / O. A. Sedakova. — M. : Indrik, 2004. — 320 s. — (Tradicionnaja duhovnaja kul'tura slavian: sovremennye issledovanija).
9. *Trubachiov O. N.* Etnogenez i kul'tura drevnejshih slavian. Lingvisticheskie issledovanija / O. N. Trubachiov ; [otv. red. N. I. Tolstoj]. — 2-e izd., dop. — M. : Nauka, 2003. — 489 s.
10. *Uzhchenko V. D.* Frazeologija suchasnoi Ukraïns'koï movy : navch. posibnyk / V. D. Uzhchenko, D. V. Uzhchenko. — K. : Znannia, 2007. — 494 s.

Istochniki

- BRFS* — Koshelev A. K. Bolgarsko-russkij frazeologicheskij slovar' / A. K. Koshelev, M. A. Leonidova. — M. : Russkij jazyk ; Sofija : Nauka i iskusstvo, 1974. — 635 s.
- IES* — Birih A. K. Russkaja frazeologija: istoriko-etimologicheskij slovar' / A. K. Birih, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova ; [red. V. M. Mokienko]. — 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Astrel' ; AST ; Liuks, 2005. — 926, [2] s.
- NFR* — Ankova-Nicheva K. Nov frazeologichen rechnik na bylgarskija ezik / Keti Ankova-Nicheva. — Sofia : Sv. Kliment Ohridski, 1993. — 464 s.
- FRBE* — Frazeologichen rechnik na bylgarskija ezik : v 2 t. / K. Nicheva, S. Spasova-Mihajlova, K. Cholakova. — Sofija : BAN, 1974—1975. — T. 1 — 1974. — 759 s. ; T. 2. — 1975. — 779 s.
- FSRJa* — Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka / [red. A. I. Molotkov]. — M. : Sovetskaja enciklopedija, 1968. — 543 s.
- FSUM* — Frazeologichnyj slovnyk Ukraïns'koï movy / [uklad. V. M. Bilonozenko ta in.]. — K. : Naukova dumka, 1999. — 984 s.

АРЕФ'ЄВА Наталія Георгіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної та загальногуманітарної підготовки іноземців Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;

e-mail: arefyew_oleg@mail.ru; тел.: + 38 (048) 7845738; моб.: + 38 0508663287

СВАТАННЯ У СЛОВ'ЯНСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Анотація. У статті аналізуються російські, українські та болгарські фразеологізми, що експлікують концептосферу сватання. Сватання розглядається як важливий елемент весільної обрядовості, направлений на зміну соціального статусу людини. Важливі риси обряду сватання віддзеркалюються у слов'янській мовній картині світу за допомогою фразеологічних одиниць. Розглядаються старовинні слов'янські обряди та традиції, пов'язані зі сватанням, визначається їх місце у сучасній лінгвокультурі. Підкреслюється домінуюча роль нареченого та членів його родини на всіх стадіях весільної змови. На фразеологічному матеріалі трьох слов'янських мов виділено та проаналізовано як концепти загальнослов'янської культури, зокрема «ворота», «гарбуз», «корито», так і концепти, які є національно-специфічними та культурно значущими, зокрема «рушник» та «обуца» (букв. взуття).

Авторка доходить висновку щодо широкого представлення концептосфери сватання у слов'янській фразеології. Підкреслюється виключна роль сім'ї та шлюбу у світогляді давніх слов'ян та слов'янській культурній традиції.

Ключові слова: російська мова, українська мова, болгарська мова, фразеологізм, обряди й традиції, концепт, концептосфера, національно-культурна специфіка.

Natalia G. AREFIEVA,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Linguistic and General Humanitarian Preparatory Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;

e-mail: arefyew_oleg@mail.ru; tel.: + 38 (048) 7845738; mob. + 38 0508663287.

MATCH-MAKING IN SLAVIC PHRASEOLOGY

Summary. The Russian, Ukrainian and Bulgarian phraseological units which explicate match-making conceptsphere are analyzed in this article. Match-making is considered as an important element of wedding ceremonial which concerns changing of the social status of a person and reflected in the Slavic language picture of the world by means of phraseological units. The ancient Slavic ceremonies and traditions of match-making are analyzed, and their place in the contemporary language culture is determined. The active and dominating role of a fiancé and members of his family during all periods of wedding agreement is emphasized. The Slavic culture concepts such as «gate», «pumpkin», «trough», as well as national and cultural ones as «rushnik», «obushta» (literally «boots and shoes») based on phraseological units of the three Slavic languages are determined and analyzed.

The author comes to a conclusion about the broad match-making conceptsphere representation in the Slavic phraseology. The important role of marriage and family in the world outlook of the ancient Slavs and Slavic cultural tradition is emphasized.

Key words: the Russian language, the Ukrainian and the Bulgarian languages, phraseological unit, ceremonies and traditions, concept, conceptsphere, national and cultural specificity.

Статтю отримано 18.08.2014 р.